

№ 2

СМЕХАЧ

ФЕВРАЛЬ 1924

Ленинград, Просп. 25 Октября, д. № 114, кв. 17. Тел. 1-77-60

ЦЕНА 25 КОП

НА НОВОМ МЕСТЕ

Рис. Б. Антоновского

— Марюшка! Ножницы!
— Вам какие, Феликс Эдмундович? Настоящие?

ОТ ЗЕМЛИ

Ох, остродум-мужичок!
Ох, эконо-мужик!
Строит точный расчет,
Точный, как пуд ржи.
„Буду—думает—сам
Чернозем ковырять“.
Трем наказ сыновьям:
— Чтобы дело на-ять!
Старший—марш за станок!
Средний—при на призыв!
Третий, младший сынок,
В школу враз—за азы!

Поршня разгон скуп.
Дым сбивается в ком.
Старший сын на-чеку.
За токарным станком.
Средний зубрит устав.
Тонко бряцают шпоры.
Из шагающих ста
Не отличишь—который.
Бодр, тверд шаг,
Быстр штыков блеск.
Врос в квартал, не спеша,
Буденовок буйный лес...
Младший—тот комсомол.
Сам говорит:—Факт,
В эту же зиму, мол,
Кончу на-ять рабфак.

Мечет мужик стога.
Дума о трех сынах:
Молот, тугой наган
Да комсомол—стена.
Мечет стога мужик.
Будут стога стоять.
Хватит травы и ржи,
Будут дела на-ять.
Мечет мужик стог.
Вилы—враз по копе.
Кликни вновь тысяч сто—
Двинем—мы в Р. К. П.

„ВЫИГРЫШ В 100 ТЫСЯЧ“

(Случай в редакции.)

Передовик начал свою статью следующими словами:

— РКП выиграла сто тысяч и выиграла не золотом, а в более драгоценном материале и в более благородном. Сто тысяч рабочих от станка попали в партию...

Человек слаб; передовик—тоже... Ему очень понравилось начало, и он захотел поделиться им с сидящим рядом с ним членом коллегии, заведующим отделом „письма от рабочих“.

— Кажется, ничего?—спросил он прочитав, первые строчки и скромно опустив глаза.

— Ничего-то, ничего,—сказал член коллегии,—только сведения ваши устарелые. Сто тысяч было утром, в десять часов, а теперь двенадцать. Мне полчаса тому назад сообщил заведующий хроникой, что за два часа только в трех районах поступило больше трех тысяч заявлений. Во всех районах к вечеру наберется тысяч пять.

— Здорово!—воскликнул передовик:—армиями пошел пролетариат. Однако... Лицо передовика затуманилось. С одной стороны он был старый коммунист и каждый успех партии его искренно радовал. Но с другой стороны, он был старый передовик и ему был жаль менять хорошее заглавие...

Но колебание продолжалось не больше минуты. Коммунист взял верх над передовиком. Он решил:

— Напишем „выигрыш в сто пять тысяч“. Такого выигрыша хоть не бывает...

Он переправил заглавие и стал писать дальше:

— „Пролетариат двинулся могучим потоком в партию Ильича. Сто пять тысяч за десять дней“...

— Это, товарищи, становится стихией!—прервал тишину влетевший в комнату заведующий провинциальным отделом:—Читайте телеграммы.

И прежде, чем сидевшие в комнате успели положить перья, как заведующий провинциальным отделом стал перечислять:

— За последние два дня в Харькове, Киеве и Одессе—15 тысяч. Баку, Тифлис 8 тысяч, центральные губернии—17 тысяч. Словом всего по последнему подсчету около 40 тысяч. Понимаете, ведь это лавина. На месте Ильича весь пролетариат...

— Это мысль!—встрепенулся передовик:—Вы это чудесно сказали. Ильича нет, и пролетариат решил заменить его вступлением в партию. Партия потеряла вождя, но есть новый вождь—весь пролетариат.

У старого коммуниста сияли от радости глаза, но старый передовик вдруг шепнул ему:

— А как же будет со статьей? Опять придется менять заглавие. Вместо „сто пять тысяч“ придется написать „сто сорок тысяч“.

Было чуть-чуть досадно, но старый коммунист снова взял верх над передовиком.

— 140 тысяч молодых коммунистов из старых рабочих! Какой это удар по врагу!

Не успел он написать этих строк, как вошел фельетонист.

— Ну, товарищи, должен вам сказать, что ничего подобного не видал, и вряд-ли еще когда-либо увижу. Идут семьями подавать заявления...

Фельетонист перевел дух, сел и стал продолжать:

— В центральный район пришли отец, сын и внук. Сразу три поколения... В один из окраинных районов пришел целый завод. Весь завод, так сказать, оптом. Остались одни машины. Шутят, один рабочий говорит: „У меня два поручителя—станок и молот. 30 лет меня знают и в партию рекомендуют“. Эх, хорошо... К вечеру тысяч десять наберется.

— Тысяч десять...

Передовик молча переделал заглавие и задумался.

— Сейчас 12 часов,—думал он,—к вечеру получатся новые телеграммы. Будут новые заявления, пожалуй, дойдет до двухсот. Как быть? Писать 200 тысяч... А вдруг будет меньше. Напишем 175 тысяч!

Так он и сделал. Статья была готова, переписана, сдана в набор и напечатана.

Утром передовик с замиранием сердца схватился за газету. Статью свою он пробежал наскоро и робко заглянул в сводку. Там было напечатано крупным шрифтом: „Двести двадцать тысяч вновь поступивших в партию“.

На лице у передовика на секунду отразилось неудовольствие, но коммунист снова взял верх, и он радостно захлопал в ладоши и закричал:

— Подвел пролетариат старого передовика! Вот как подвел! Так ему и надо, старому передовику. Есть-ли еще на свете такой рабочий, как в СССР! Есть-ли еще на свете такой пролетариат, как у нас.—И долго старый коммунист еще издевался над старым передовиком.

О. Л. д'Ор

Дм. Четвериков

УКАЗАНИЕ ПО СУЩЕСТВУ

„Прием в партию будет беспрепятственным только для рабочих от станков“.
(Правда)

Рис. Ив. Малютина

— Чего повернул? Двери, кажись, открыты.

— Вот именно. Мне на них и указали.

ДИСКУССИЯ, КОТОРАЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ

Рис. Ив. Малютина

Гонение на аппаратчиков продолжается

ВЫХОДЯЩИЕ В КОРРИДОР

Ей право, товарищи, пора уже научиться выражаться по-деликатному, культурно. А то у нас такие слова тяжелые ляпают!..

Прихожу это я на-днях в одну ленинградскую редакцию, а редактор мне и говорит:

— Слыхали? Три американских министра в нефтяную лужу сели. Взяли... Подкуп... Смотрите.

И сует мне газетный лист.

Меня слова эти редакторские, признаться, покорибли. Ну, можно-ли, в самом деле, так грубо выражаться!.. „Нефтяная лужа“, „взятки“ — даже обидно... Эх, невоспитанность советская!..

Вот взял я сегодня американскую газету — „Нью-Йорк Таймс“ — там тоже та же история про трех министров описана, — но как тонко, как вежливо, как мило, как цивилизованно! Читать приятно...

Конечно, слов этих наших русских, советских, тяжелых, неприятных — „взятка“, „лужа“ — таких слов в „Нью-Йоркском Таймсе“ нету. В хорошем обществе таких слов не произносят. А сказано там — ласковенько этак, мягонько, нежно:

— Господа министры выходили в корридор...

* * *

Вот, давайте, я вам разьясню, что это значит — выходить в корридор.

Когда я много лет назад впервые в Америку приехал и стал американские газеты читать, то поразило меня одно такое славненькое, кругленькое такое, приятное английское словечко:

— Lobby, Лобби.

„Такой-то депутат, — пишет газета, — член парламента, вышел в лобби... Впрочем, еще его отец и дед были лоббистами“.

Я сразу, конечно, не понял, в чем тут дело. Ухватил словарь. А в словаре сказано — глухо:

„Lobby — корридор, передняя, прихожая, фойе, кулуары. Lobbyist — „выходящий в корридор““.

Краткое это словарное объяснение не только не рассеяло, но, наоборот, еще более сгустило мое недоумение. Депутат вышел в корридор? Его отец и дед тоже были выходящими в корридор? Что за чушь! При чем тут корридор?!

Недоумевая и теряясь в догадках, обратился я за разъяснением к тысячетомному энциклопедическому словарю — Encyclopedia Britannica — и этот добрый толстый словарь вмиг рассеял все мои сомнения. В этом добром толстом словаре над словом „Lobby“ нашел я в высшей степени обстоятельный историко-политический трактат, целое научное исследование.

Много, много лет тому назад, когда только-что родился в Англии парламент, когда еще, значит, вновь было, установился добрый такой, мирный и ласковый обычай: граждане приходили в парламент и приносили депутатам разного рода... ну, как бы это сказать? — подаяния?.. нет, не подаяния, скорее: воздаяния... ну, одним словом, благодарности —

натурой или деньгами. Конечно, невозможно было допустить, чтобы все эти граждане (иные были без калош, в грязных сапогах) прямо так и лезли в зал заседаний. Приходилось депутатам выходить к ним в корридор... Это было более двухсот лет тому назад. А с тех пор и пошло. В обычай вошло. А потом и в Америку перенеслось. Многие добрые, старые английские парламентские обычаи перенеслись в Америку. И вот, все ходят в корридор... Что делать! — такой уж обычай!..

* * *

Однако, — спешу вас успокоить, читатель, — ничего не будет. Ни-и-ничего не будет.

Вы, может быть, думаете, что выходивших в корридор министров схватят, арестуют, в кандалы закуют, в тюрьму пошлют, судить будут, в Якутскую область сошлют...

Не беспокойтесь. Ничего не будет.

Это у нас, в СССР, — потому — мы — невоспитанные, деликатности никакой не знаем, с плеча прямо тяпаем, — это у нас хватают, сажают, судят, ссылают. А там, в Америке, там — цивилизация. Там всякое дело можно уладить хорошо, вежливо, по-доброму — и никто в обиду не будет. Там всякое дело можно уладить — посредством всё того же старого обычая — выходения в корридор.

Первым делом, конечно, вызовут в корридор редакторов газет, пошлепчутся с ними в темном корридорном углу, — и замолкнут газеты. Как ловко умеют американские газеты молчать!

Потом выйдет в корридор прокурор... Потом еще кое-кто... Потом уляжется, утихнет, забудут — и мало-по-малу господа министры снова... как это говорится? — вернутся к полезной общественно-политической деятельности. Через годик — глядь! — а уж господа корридорные министры снова сидят в удобных, мягких, уютных министерских креслах; сидят усидчиво, крепко, цепко — и только время от времени встают...

— Чтобы выйти в корридор!

А. Меньшой

В ГОСИЗДАТЕ

Дороговизна книг делает их недоступными

— Почему эта книга без цены?

— Цены ей нету — этой книге.

ПЕРЕДОВОЙ

— Ты почему не женишься?

— На ком жениться? На этих, старорежимных? Подожду, пока подрастут Октябрины.

„ОТЧЕ НАШ“

(В международном масштабе)

Рис. М. Черемных

Иностранцы — Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Красин — Но остави нам долги наши!

— Странные нонче церкви пошли! Угодники, почитай, все понавешаны, а свечку приткнуть некуда!

ГИБЕЛЬ СТАВКИНА.

Когда Ставкина назначали в банк, ему сказали:

— Вы, можно сказать, на пепелище поступаете. До вас здесь были злоупотребления. Процесс, семнадцать человек на десять лет со строгой изоляцией закатали. Теперь банк почти без работников, зато очищен от воров. Набирайте себе новую честную публику, действуйте во всю.

Ставкин скромно улыбнулся и обещал:

— Постараюсь.

Все предвещало серьезную и плодотворную работу. Банк выглядел, как освеженная и очищенная грозой равнина. Уцелевшие спецы гнулись перед новым директором в три погибели и не смели взглянуть в глаза. Прохождение Ставкина по коридору сопровождалось перепуганным оглушительным треском машинок. В кабинетах со стен приветливо смотрели портреты Дзержинского. Сторожа и курьеры ходили на цыпочках. Тротуар банковского подъезда был пуст и официален. Черная биржа в панике перекочевала на пять кварталов дальше.

Ставкин стал принимать дела. Работников, действительно, не было. Подыскивать было невероятно трудно. Или способный народ, но жулики, или честные, но идиоты.

По вечерам новый директор жаловался жене на трудности. Женам всегда приходят в голову гениальные идеи.

— Возьми Петю в управделы. Он и умен, и деловит, а главное, свой человек. За ним, как за каменной стеной. Ни сам тебя не подведет, ни другим воровать не даст.

— Петю? А ведь в самом деле! Я и не подумал! Ты у меня, Наташа, всегда умница. Только, хм, удобно-ли... Ведь он, как ни как, твой брат.

— Вот еще! Кому какое дело! Этого может никто и не знать. Ведь у него фамилия другая. Ты — Ставкин, а он — Кныжов. Зато будешь спокойно спать по ночам!

Товарищ Кныжов принял управление делами банка и стал быстро его налаживать. Личным секретарем к себе — для верности, чтобы не крали — он зачислил жену свою Екатерину Платоновну. Во избежание кривотолков и злостных сплетен личный секретарь был зачислен под девичьей фамилией — Кулакова.

Беспризорным оставался очень важный отдел текущих счетов. Туда Ставкин, после долгого раздумья и совещаний с женой, решил назначить для верности, чтобы не крали — мужа сестры своей, инженера Сахаревича.

В банке стало уютно, повеяло теплом домашнего очага. Жена Ставкина (для верности, чтобы иметь хозяйский глаз)

была проведена завхозом. Во избежание клеветы со стороны недоброжелателей она зачислилась под девичьей фамилией своей матери — Бондаренко.

Очень важной командной высотой в банке была касса. Ведь, здесь могли быть всякие шахер-махеры с червонцами и иностранной валютой. Посовещавшись с управделом, завхозом и другими близкими товарищами по работе, Ставкин решил, во избежание риска и возможных злоупотреблений, назначить кассиром своего отца, Арсения Ставкина. Чтобы не давать пищи злым языкам, новый кассир прошел под фамилией Шомполов. Так некогда он подписывал статейки в охотничьем журнале.

Вскоре новый кассир не поладил с главным бухгалтером и новым главным бухгалтером назначили отца Ставкинской жены — Заубергольца. И в самом деле, что толку в хорошем кассире, если бухгалтер путает. Теперь все было в порядке.

Сговорившись между собой, ответственные работники женского пола во вверенном Ставкину банке решили обследовать настроение черной биржи и для этого устроить в ресторане несколько закрытых ужинов с видными валютными деятелями. Обследования имели успех и все учащались.

... Однажды в кабинет директора вплыл дородный мужчина в бобровой шубе. Ставкин ахнул.

— Дядя Яков, какими судьбами?! Сколько лет, сколько зим!

Дядя Яков долго рассказывал о своих делах, подрядах и контрагентских операциях, а потом, ссылаясь на экономический кризис, попросил выручить и учесть два векселя.

— Неудобно как то, дядя... Могут счесть за протекцию. Вексельки ведь гнилые. К тому же тут вся администрация — твои родственники. Сам понимаешь, кривотолки...

— Кривотолки, понимаю. Но ведь этого, дорогой мой, можно избежать! Я один вексель напишу на Корабельникову. Это девичья фамилия жены моей, тетки твоей, значит. А другой сделаю на зятя, Миловидова. Актер, замечательнейший человек, познакомлю. Вот и выйдет: векселя Корабельниковой и Миловидова учтут Ставкин, Кныжов, проведет по книгам Заубергольца, выдаст деньги Шомполов.

Так сделали.

С этого и началось.

Когда судили Ставкина, билетов на процесс для родственников суду выдавать не пришлось.

Все они — Кныжов, Кулакова, Бондаренко, Сахаревич, Шомполов, Зауберголец, Корабельникова и Миловидов — уже сидели на процессе.

На скамье подсудимых.

Михаил Кольцов

(В весьма понятной диаграмме)

В новый индекс товарного рубля включены: квартплата за 1,2 кв. саж., электрическая энергия в количестве 15 гектоуатт-часов, 6 билетов трамвая, 6 газет, 2 билета в кинематограф, 50 ведер воды.

— Вы куда едете?
— В Ленинград. А вы?
— А я в Петроград.
— Вот как! Ну, значит, мы не попутчики.
В Москве мы сошлись снова. Он позвал носильщика и приказал ему:
— На Николаевский вокзал.
Так как я в Москве не был ни разу, то пришлось обратиться к тому же носильщику:
— Скажите, как мне попасть на Октябрьский вокзал?
— А вы за мной идите, — я как-раз туда несу вещи этого гражданина.

— Эге-ге! — сказал я, — а мы с вами опять вместе едем.
— Ну, конечно; раз мы едем в Петроград, то вместе.
— Ничего подобного! Я еду в Ленинград.
— А разве это не одно и то же?
Я подумал и ответил:
— Нет. Это не одно и то же.

— Вы в какой конец города? — спросил я его в Ленинграде.
— Я на Петроградскую сторону.
— Опять не попутчики! А мне на Ленинградскую сторону. Прощайте с!
И мы пошли рядышком. И хотя мы и в трамвае сидели бок-к-боку, — мы были бесконечно далеки друг от друга.

Через неделю я уехал из Ленинграда. И первое, кого я увидел подле себя, — был мой попутчик.

— Ну, как понравилось? — спросил я.
— Ничего себе, — ответил он, — конечно, не сравнить с тем, что было раньше, но ничего. Но самое лучшее это то, что в городе не осталось ни одной фабрики, ни одного завода.

— У нас в Ленинграде, — широко раскрыл я глаза, — ни одной фабр...

— Да, у нас, в Петрограде, — подтвердил он.
— Ах, в Петрограде! Это дело другое. Это верно.

— Конечно, верно. Но за то ресторанов! Батюшки мои! Прекрасно можно провести время, — придешь, закажешь, считаешь французскую газетку...

— Позвольте. А зачем же французскую? Можно и русскую?

— А где же ее взять, если во всем городе не издается ни единой газеты.

— Как не издается? Несколько газет издается.

— Не видал.
— Вы не видели в Ленинграде ни одной газеты?

— Да. Я не видал в Петрогр...
— Да, да... Я все путаю... Действительно, ленинградские газеты до петроградцев не доходят.

Вернувшись домой, я делился своими впечатлениями о Ленинграде:

— А хорошо теперь, братцы, получилось... Раньше, прежде чем человека раскусишь, — десять раз споткнешься, а теперь только ткни перстом на карте в Неву и спроси, — что это за город? Петроград? Аааааа. Готов! Как на ладошке!
Евграф Дольский

ВОПРОС ГУМАННОСТИ

Злостных валютчиков в Нарым. Хорошо. Но — позвольте. Ежели — такой случай.

Стоит на берегу самого что ни на есть Ледовитого океана олень и воду пьет. Известно: нету для оленя ничего слаще соленой воды. Вдруг, откуда ни возьмись...

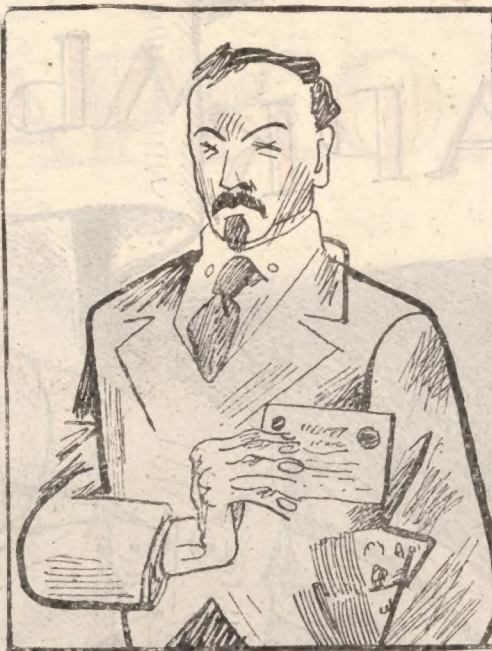
То-есть, почему откуда? Ничего не откуда, а с Ильинки. Это уж — в доскональности.

Так вот: вдруг подходит к такому оленю злостный валютчик и вопрос ребром: — Червонцы берете?

Что тут оленю делать? Особливо, ежели это не олень, а оленница, да к примеру оленятами беременна. Выкинуть можно! А сами знаете: олени — народ вымирающий. Каждая душа на счету.

Я так полагаю: первое место для злостного валютчика — Сахара. Конечно, в Сахаре вместо оленей верблюды. Но верблюды — он месяц без воды жить может. Его водяными знаками не проймешь. Ему все одно, что червонцы, что другая какая купюра. Только бы хождение имела — от оазиса до оазиса.

А насчет того, что Сахара не в Эс-эс-эс-эре, так это вопрос времени. До признания. А как только признают, можно договором договориться. И даже полпреда послать. Долго ли? *М. Ш*

Наркомфин — Даю червонцы.

Госбанк — Беру червонцы

Просто гражданин — Интересуюсь червонцами. (После паузы) — Потому что давать не с чего, а брать не откуда!

Индекс...

Жуткое и странное слово!

Кто то уверял, что оно происходит от 2 слов: — Индюк и кодекс.

Находятся люди, которые путают слова: „индекс“ и „кодекс“ и говорят: — „Я привлечена по ст. 172 уголовного индекса!“

Жутк сть этого слова увеличивается еще и оттого, что этот самый индекс включает в себя очень странный подбор веществ, казалось-бы несоединимых:

— 50 ведер воды и билет в кинематограф!
— 15 гектоуатт-часов и бутылка вина!
— Несколько фунтов соли и 6 номеров газет!..

Ясно, что от такой смеси не поздоровится! Оттого-то товарный рубль и выглядит так странно!

По поводу только что опубликованного расширения индекса, некоторые спрашивают:

— Почему не приняты во внимание баян, кремпи для зажигалок, зубочистка, соска для грудных младенцев?

А где эти предметы? В бюджетном наборе их нет!

И затем: почему 6 трамвайных билетов и 50 ведер воды, а не наоборот? Воды здесь много, но логики никакой!!

Есть люди, которые понимают факт включения в товарный индекс новых расходов, — так сказать, буквально:

— Шесть раз в месяц можно ездить на трамвае. А как же остальные 24 дня: на извозчиках? Но ведь это еще дороже и грозит новым расширением индекса!

— Два раза сходить в кинематограф! А если — картина в 6-ти сериях или что еще хуже, — в 8-ми?!

Эти люди идут к своему управдому и подают заявление:

— Ходайствую о предоставлении мне права замены двух кинематографических билетов в пятью билетами на трамвай, так как вследствие острого малокровия мне запрещено врачом ходить пешком, кинематограф же действует мне на нервы, заставляя курить больше, чем это предусмотрено индексом.

Одна гражданка неделю сидела в темноте. Когда ее спросили, для чего она это делает, она чистосердечно призналась:

— Очень просто. В субботу день рождения моей дочери, я хочу свести девочку в кинематограф. Но я использовала свои 2 билета. Теперь экономлю на гектоуатт-часах. Это единственный выход!

— Но ведь это неизменит товарного рубля! сказали ей.

— Вашего, может быть! — отрезала она, — а мой, волей не волей, должен будет измениться! Мои гектоуатт часы потухнут...

Что касается меня, то я покорно переносю все эти новые завоевания — товарного индекса.

— 50 ведер — так 50! Все равно мне этого не выпить.

В кинематограф я хожу исключительно по контрамаркам, а на трамвае имею годовой билет...

Но я настаиваю, чтобы в новый бюджетный набор был включен еще один предмет, — смею думать, первойшей необходимости:

— Хороший сатирический журнал.
Ну, скажем — хоть „Смехач“.

Э. Гард

РЕЗОННО!

Граждане СССР, находящиеся в утробном периоде жизни, подали Калининну следующую петицию:

1. Просим сократить срок заключения. Девять месяцев считаем устаревшей нормой.

2. Если срок нельзя сократить, то просим увеличить жилищную площадь.

3. И зачислить срок до рождения в комсомольский стаж.

Коллектор

ВОЗМЕЗДИЕ

— Понимаешь: проглотил во время облавы золотую десятку и...

— Не выходит, что-ли?

— Выходит. Дензнаками! По курсу!

НАРКОМЫ С. С. С. Р. НАРКОМЫ

Л. КРАСИН

— Долг платежом красен!
Вышел со своим ларьком Красин.
— Руда и кожа, рожь и пшеница —
Франко любая столица:
И море и сушу
Гони-погоняй!
По грушу! По грушу!
Купи, смейся!

Г. ЧИЧЕРИН

До-ре-ми-фа — и так дальше!
Без срывов и фальши
Дудит уверенно
Дуда Чичерина:
И хоть режет ухо Антанте
Наше «данданте»,
Однако, скрывая недовольство
внутри,
Почитают Чичерина Эгоном Петри
— Bravo, maestro!

Н. БРЮХАНОВ

Во дни периода полуголодного
Не было ничего более важного и
модного
Ведомства Наркомпродного.
Но дни эти ушли и не вернутся
наново —
И легла ныне печаль на лицо
Брюханова:
Нет ему теперь удовольствия
Ведать Наркоматом продовольствия

ВИДЕНИЕ СЕТОЗАРНОЕ

Как в Союзной земле,
В пролетарской твердыне — Кремле
Заседает Совнарком,
Иногда целый день напролом,
Иногда поздно за ночь.
Председатель, Рыков, Алексей
Иванович,
Который с легкой руки «Известий
Цика»,
Каменев Лев.
Друг с друга глаз не сводят,
Один другим рыководят.

Л. ТРОЦКИЙ

Где глубоко внизу чернея,
Как трещина — жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
Там глаз из-за ленинск сверкал.
И снова ножницы он идел,
Их презирал, их ненавидел.
На бурке замерла рука
— Я опущусь на дно морское,
— Я полечу за облака,
— Я дам тебе... И все такое.

Г. СОКОЛЬНИКОВ

Ох, соколики, соколёчки,
Вы, черенцы мои, червончики,
Полетите вы, твердо — валютные,
Полоните вы совзнаки беспутиные.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

По своей да по чужой охоте —
В бессрочной каторжной работе:

Работа была не легка — в ВЧК-а,
Потом на каторжном деле —
В наркомвнуделе,
Потом пришлось поселенье пройти —
В наркомпути,
А затем каторжника — виртуоза
Сделали председателем нархоза...
А чтоб брюшка себе не нагуливал
по хозяйственности,
Назначили в ОГПУ по совмести-
тельству.

ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Наркомюст потребовал ускорения слушания тех дел, по которым имеются заключения.

Обвиняется малолетний Иван Клочков, 14 лет, в похищении с лотка торговли Скупердяевой французской булки. Судебный исполнитель, введите обвиняемого...

И обвиняемого ввели.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Раньше, граждане, было куда как проще. А которые женихи — тем все было как на ладони. Вот, скажем, невеста, вот — ее мама, а вот — приданое. А если приданое, то, опять таки, какое это приданое: деньгами или, может быть, домик на фундаменте.

Ежели деньгами — благородный родитель объявляет сумму. А ежели домик на фундаменте, то, опять таки, иная речь — какой это домик? Может деревянный, а может он и каменный... Все видно, все занято и нету никакой фальши.

Ну, а теперь? Нутека сунься теперь, который жених — не разбери бери! Потому что у теперешнего родителя привычки такой нет давать деньгами. А которые женихи на имущество ориентируются — еще того хуже.

Скажем: недвижимое имущество — висит шуба на вешалке. Ну, висит и висит. Месяц висит и два висит. Каждый день, например, ее видеть и руками шупать, а как до дела, то шубу эту, неугодно ли, комнатный жилец повесил и вовсе она не невестина... Или перина. Глядишь — перина, а ляжешь на нее — она пером набита.

Вот вам и имущество! С таким имуществом крови больше испортишь.

Ах чего только не делается на свете — неразбери-бери!

Я старый революционер с девятого года, да пять лет в союзе Михаил Архангела оттрубил и то у меня голова кругом, и не разбираюсь.

Только и есть одно — которые невесты служат. У тех без обмана: ставка, разряд, категория... Но и тут обманиваться можно.

Мне вот понравилась одна. Перемитнулись. Познакомились. Тары да бары, где, говорю, служите, сколько получаете? Дескать, разряд ваш и ставка?

— Служу, — говорит, — в Лепе. Ставка такая-то.

— Ну, — говорю, — мерси и отлично. Вы, говорю, мне нравитесь. И разряд ваш симпатичный и ставка ничего себе. Будем знакомы.

Стали мы с ней кинематографы посещать. Плачу я. Посещали неделю или две — ультиматум ей ставлю: вводите, говорю, в дом.

Ввела в дом. Ну, конечно, в доме старушка мамочка. Папашка этаким старым революционер. Дочь невеста и при ней я — жених вроде бы.

Дальше — больше. Хожу к ним в гости и приглядываюсь. С мамашей на философские темы разговариваю: дескать, как им живется, не туго ли? Не придется ли, оборони Создатель, помогать?

— Нет, — отвечает, — насчет помощи нам не надо. А что до приданого, не совру, — при-

даного нету. Хотя бельишко и полдюжины ложек можно отсыпать.

— Ах, — говорю, — старушка — божий цветочек! Полдюжины или вся дюжина — там видно будет. Стоит ли об этом говорить раньше времени. Мне, говорю, ваша дочка и так нравится — все-таки — разряд 15, льготы, талоны... Это мне, вроде бы приданое.

Ну, старушка, божий цветочек, в слезы. И папашка, старый революционер, прослезился.

— Чтож, — говорит, — женись милый, если так.

Ну, обручение. Разговоры. Вздохи.

А старушка, божий цветочек, насчет церкви намекает. Не плохо бы, дескать, в церкви окреститься.

А я говорю: — Окрутимся и так. Я, говорю, старый революционер. Не дожидаясь чистки, ушел из

НОВЬ

Мечты ли были, сон ли был...

Но вот недавно, поздней ночью,

За чашкой чая говорил

Со мной знакомый мой, рабочий.

Он говорил о детворе.

Он святцы драхлые отрунул

И, в честь победы в Октябре,

Назвал дочурку Октябриной.

— А знаешь ли? — сказал он вдруг,

— Я все-таки ругался с братом.

Назвал он сына — Политрук,

Другого сына — Редиздатом.

Я знаю, что я не был прав.

Должно быть, это с не привычки.

Но вдруг как будет „Наркомздрав“,

„Главголь“, „Клуб“, „Каширка“,

„Смычка“?..

Я представляю разговор:

— Октябрь Панфнутыч! Где вы были?

— Нил Совнаркомыч! С этих пор?!

— Как ВЦИК ваш, Тит Автомобилич?

Оно, конечно, ширь... размах.

Но в дрожь бросает мысль иная.

Запутаетесь в именах...

Что лучше — все-таки не знаю...

Звонок. Вошли. Письмо несут.

Разносчица. Письмо. Тужурка.

— Скажи нам, как тебя зовут?

— Как? — „Новь“!

Ответила девчурка. А. Безыменский

партии. Не могу идти против своей совести. Не настаивайте.

Поплакала старушка. И папашка, старый революционер, прослезился. Однако, соглашаются. Женились мы! Живем прелестно — райотдел и медовый месяц.

По утрам молодая, красивая супруга отбывает на службу, а в четыре часа пополуночи. Не стыдно ль спать. Прележи пролежите.

И опять слезы от счастья и медовый месяц. И вот длится эта дискуссия два месяца по новому стилю.

Но только однажды приходит молодая, красивая супруга без свертка и вроде — рыдает.

— О чем, — говорю, — рыдаете, не потеряли ли свертка, оборони создатель?

— Да нет, — говорит, — что значит свертки? Уволили меня по сокращению.

— Да что вы, — говорю, — помилуйте?

— Да, — говорит, — Ах, — думаю, — ах! Позвольте, говорю, я от вас приданого не требую, но, говорю, я на службу ориентировался вместо того.

А молодая супруга неутешна.

— Да, — говорит, — уволили, как замужнюю. Помилуйте, — говорю, — да я сам на вашу службу пойду объяснюсь. Это немисливо.

И вот, надел я поскорее штаны и вышел. Прихожу. Заведывающий — этаким старым революционер с бородкой.

Я ему, подлецу, объясняю всю подноготную, а он уперся и говорит: ничего не знаю. Я ему про приданое, а он говорит: в семейные дела не касаюсь.

Я говорю: — Я тоже старый революционер, с пятого года у Михаил-Архангела.

А он из помещения просит честью. Попрошался я с ним за руку и домой. Прихожу. Супруга сидит и не плачет.

— Что-ж, — говорю, — плакать перестали! Я, говорю, на вас женился, а вы сокращаетесь? Беру ее за руку и идем к мамаше.

— Здравствуйте, — говорю. — Спасибо за одолжение. Думаете, дюжину ложек дали и basta?

Ну, старушка, божий цветочек, — в слезы. И папашка, старый революционер, прослезился.

— Все, — говорит, — от бога. Может, — говорит, — и так прожизнете.

Хотел я папашке за это по роже съездить, да воздержался. Еще, думаю, в суд, стерва подаст.

Плюнул я на сборный половичок и вышел. А теперь я развелся и ищу невесту.

А раньше, граждане, было куда как проще.

Мих. Зощенко

ДОМА

Лозунг дня: строить дома, во что бы то ни стало! Но это—смотря какие. Есть такие дома, с которыми покончить пора, а не строить. Например:

Рис. Б. Антоновского.

Детский дом

Дом отдыха

Ночлежный дом

Дом предварительного заключения
(Окончательное в Загсе.)

ЧТО-ТО НЕ-ЛАДНОЕ

Странно, — сказала жена.
Очень, очень странно, — сказала бабушка.
Да... Во всяком случае здесь что то не то, — вставил свое мнение квартирант.
Братцы, — воскликнул совершенно сбивый с толку Сидоренко, — да что же это вы? С чего вы это взяли? Провалиться мне, если лгу! Честное слово, получил 43 р. 17 копеек!
Пусть будет так. Мы тебе верим. Но значит, ты обманываешь нас в другом. Значит, твое жалованье не 43 руб. 17 к., а 53 р. 17 к.
Ах, да какие же вы! Вот расчетная книжка, — читайте: 43 р. 17 к.
Гм... А не подчистил ли ты?
Поймите!..
Я понимаю одно, — ревниво сказала жена, — что меня хотят обмануть. Хотят, чтобы я поверила, что в этом месяце с него не удержали ни одной копейки!
Да, да, да, не удержали!
Понимаете, — прошлый месяц удержали

6%, в декабре 8%, в ноябре целых 11%, а сейчас не угодно ли, — ни копейки! Как полагается 43 р. 17 к. так и принес 43 р. 17 к.
— Уж ты соизнайся, что соврал.
— Братцы...
— Подожди, подожди, мы свежего человека спросим. Сидор Сидорыч! Пожалте сюда! Вы жалованье получили?
— Ага.
— Ну, как много-с вас удержали?
— Ох, и не говорите! Целых 4 1/2%, не считая в профсоюз.
— Ага! А вот мой муженек доказывает, что с него в этом месяце ни копейки не удержали.
— Что вы! Это невозможно! Хотя бы профсоюзные 2%?
— Я их хотел внести в следующем месяце. По союзному уставу...
— Да нет, нет, это вы что то не то... Должно, вам артельщик передал.
— Я не понимаю, — сказала жена, — какой ему смысл лгать? Он лжет, а мы теперь должны головы ломать, зачем он лжет.
— А вы знаете, что я думаю? У него на-

верное завелись сверхурочные работы, вот он и несет частичку домой, а частичку любовнице!
— О о-о-о!
— Ну, конечно... Все обманывал, да обманывал, а сегодня промахнулся.
— И это муж!
— Вася, да засгупись же хоть ты за меня!
— Я, молодой человек, — солидно сказал квартирант, — все время служу с, можно сказать тридцать учреждений прошел и ни разу того не было, чтобы никаких вычитаний, да с!
— Те-те-те! Вот вас и поймали. А разве у вас в пользу германских рабочих не собирали?
— Ну... ну... ну, собирали.
— Так как же вы-то? Вы-то?
— У нас... добровольно... Я хотел увильнуть.
— Как он лжет! Как он лжет!
— Имя! Имя! Ее имя! Назовите мне ее имя и я выпарапаю ей глаза!
— То то он в „Смехаче“ одни стишки читает! Вон оно что! В альбом переписываете?
— Дети, бедные дети!..

Е. Дольский

ТОВАРИЩ ПРОБКИН

Я тяжело вздохнул:

— Так то, брат Саша. Засосала коммунистов мелко-буржуазная мешанская стихия. Канарейки. Пеленки. Суп с лапшой, голубцы и клюквенный кисель одним словом... Так е то дела.

— Не слажи. Я знаю многих, которые... Одним словом, пойдем. Я тебе покажу удивительного человека — Пробкина, — коммуниста, вернее кандидата, его недавно в кандидаты перевели. А за что? За то что в условиях нэпа в самый, так сказать, разгар мелко-буржуазной стихии умудрился сохранить всю свою коммунистическую чистоту. Можешь себе представить — он живет по принципам 19-го года. — кристальная душа, а его в кандидаты на испытание, как нерабочий элемент... Одним словом идем...

Нам открыл дверь швейцар.

— Что, тов. Пробкин, секретарь коммуны имени Октябрьской Революции, дома?

— Так точно-с. У себя, в библиотеке — читальне-с. Как прикажете доложить?

— Доложи, братец, что экскурсия пришла. Обозревать коммуны.

— Слушаю-с.

Я удивленно открыл рот, но Саша уцепил меня за локоть.

— Молчи, дурак, удивляться будешь потом, прошептал он.

Мы поднялись по мраморной лестнице в бель-этаж. На массивной дубовой двери была прибита ослепительная медная табличка: «Николай Николаевич Пробкин. Директор треста „Красоватый шик“. Немного пониже была табличка: „Образцовая коммуна имени Октябрьской Революции“ и „без доклада не входить“.

Дверь расстворилась и пред нами предстал удивительный Пробкин. На нем была грубая засаленная блуза, из под раскрытого ворота которой выглядывало хорошее белье и полосатый галстук бабочкой.

— Гляди, — сказал Саша, это и есть замечательный Пробкин.

Пробкин скромно опустил глаза.

— Ну уж и замечательный. Я что, я ничего. Живу себе помаленьку... Коммунально. Коллективно, так сказать, на основе точного учета и кооперации. Ничего личного. Все общественное. Очень просто. Прошу убедиться. Например, общественное питание. Пожалуйста госп...

На дверях столовой красовалась надпись: „Общественная столовая“, массивный дубовый стол, покрытый крахмальной скатертью, был со вкусом сервирован на четыре персоны. На стенах висели деревянные зайцы и фрукты, перемежаясь с лозунгами: „Общественное питание — залог коммунизма“ и „Не трудящийся да не ест“ и т. д. В углу на мраморном столике стоял блестящий самовар с надписями: „Кипятильник“ и „Не пейте сырой воды“.

Пробкин самодовольно снял пенсне и повел нас дальше.

— Пожалуйста. Клуб коммуны имени Октябрьской Революции. Прошу убедиться. Пианино. Видите надпись: „Музыкальная секция“. Затем небольшая марксистская библиотечка. Станюкович, Метерлинк, Мамин-Сибиряк, Надсон и все такое. Исключительно издания Маркса. Попугай в клетке. Аквариум с золотыми рыбками — „зоологическая секция“. На столе журналы, хе-хе. Все как полагается. Здесь члены коммуны могут проводить свое время в приятном и полезном отдыхе...

— Э... то удивительно! — воскликнул экспансивный Саша.

Пробкин скромно улыбнулся.

— Пожалуйте дальше. Детский дом и ясли. Видите: детишки.

Этот старший Коля, а этот маленький Ванюша. Коля, шаркни дяде ножкой. Все в папашу. Вот думаю переименовать старшего в Крокодила, а младшего в Секретаря. Надеюсь читали статейку Троцкого о новом быте. Дети получают прекрасный уход, чистое белье и отличную пищу. Детским домом заведует моя жена, Симочка поди ка сюда. Тут экскурсанты пришли. Она же и кормилица, хе-хе. По совместительству, так сказать. Ну, да ничего не поделаешь. Коммуна, знаете-ли маленькая. Штат не особенно увеличешь.

Мы пошли дальше.

— Вот, пожалуйста. Обращаю ваше внимание: коммунальная кухня. А вот и секретарь ячейки Нарпит'а. Здравствуй, Степан.

Монументальный повар в белом фартуке и колпаке степенно поклонился товарищу Пробкину.

— А что у нас, братец, сегодня на второе?

— Осетрина-Макдональд и котлеты-аля Коминтерн.

— Дальше, господа, ледник, кладовая, погреб, продовольственный склад и т. д. Это не так интересно. Затем есть еще местная ячейка женотдела. Опять же моя жена в ней орудует. Потом общая спальня для административного персонала. Ванная и т. д.

— А ты не верил, — шепнул мне Саша.

— А теперь, товарищи экскурсанты, не желаете ли закусить чем бог послал. Даша, поставьте два лишних коллективных прибора.

Пробкин торжественно подвел нас к закусочному столу.

— Рекомендую перед обедом. По рюмочке. У нас, знаете-ли, вообще этого не полагается, но для дорогих гостей...

После сытного коммунального обеда, прощаясь с секретарем коммуны имени Октябрьской Революции, я спросил:

— Скажите, товарищ, а много у вас в коммуне членов?

— О, Сущие пустишки. Я жена и двое детей, не считая швейцара и ячейки Нарпит'а.

— Гм. А ячейки Р. К. И. у вас товарищ нету?

— Хи хи. Помилуйте. Для чего нам эта ячейка. У нас, знаете ли, главным образом детишки... Библиотека...

— Ага. Ну в таком случае конечно.

— Милости просим в следующий раз. Чем бог послал.

— Спасибо, спасибо. Товарищ Пробкин, мы очарованы вашим учреждением. Даю вам слово, что по возвращении домой, я непременно сделаю самый подробный доклад о посещении вашей удивительной коммуны.

— Вы мне льстите, — застенчиво сказал Пробкин. — Где же вы будете делать доклад?

— В Центральной контрольной комиссии, — общительно подмигнул Саша.

* * *

Через неделю великолепный Пробкин предстал перед председателем контрольной комиссии.

— Сидите, — учтиво сказал Пробкину человек в потертой гимнастерке, подымая утомленное лицо от бумаг.

И товарищ Пробкин сел.

На два года.

Валентин Катаев

О СЕБЕ—ВООБЩЕ И В ЧАСТНОСТИ

Если журнал легкомысленный, — ему о себе говорить ничего не надо. Если журнал специальный — за него само его название говорит. Другое дело, мы. Журнал наш солидный, многокрасочный, всесторонний и стоящий четвертак золотом. Про такой журнал в двух словах не скажешь. Такому журналу программу публиковать надо. Мы и публикуем

ВОТ НЕКОТОРЫЕ ИЗ СТОРОН, ЗАТРАГИВАЕМЫХ НАШИМ ЖУРНАЛОМ

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ВО ВСЕМ
МНОГООБРАЗИИ ЕЕ ЗАДАЧ
МАССОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
БЫТ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСТВА
ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕЛА ВО
ВСЕХ ОТТЕНКАХ И ИЗМЕНЕНИЯХ
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ В
САМОМ ШИРОКОМ МАСШТАБЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА, КАК
ВЫЗОВ ВСЕМ РЕЛИГИЯМ И БОГАМ
ЧЕСТНАЯ, НО БЕСПОЩАДНАЯ
КРИТИКА ВСЕХ: ИХ, НАС И НАС

ОТСЮДА И НАЗВАНИЕ НАШЕ: С М Е Х А Ч. А ВЫ ДУМАЛИ? ТО-ТО

УЧАСТВУЮТ В ЖУРНАЛЕ ЛУЧШИЕ СИЛЫ СССР. (СТАЛИ БЫ МЫ ХУДШИХ ПРИГЛАШАТЬ!)

Литераторы: А. д'Актиль, Н. Асеев, П. Ашевский, М. Бабель, А. Безыменский, Евграф Дольский, Мих. Зощенко, А. Жаров, Н. Иванов (Грамен), Вал. Катаев, М. Козырев, М. Кольцов, К. Мазовский, В. Маяковский, А. Меньшой, Вас. Лебедев (Кумач), О. Л. Д'ор, П. Орешин, Ив. Куз. Прутков, Н. Тихомиров, С. Третьяков, Вяч. Шишков, Чуж-Чуженин и др.
Художники: Ю. Анненков, Б. Антоновский, И. Бобышев, В. Козлинский, А. Карев, Н. Лапшин, В. Лебедев, С. Лебедева, Ив. Малютин, А. Радаков, Н. Радлов, В. Сварог, В. Хвостенко, М. Черемных и др.

Заведующий редакцией Б. В. Игнатович

Рис. Ив. Малютина

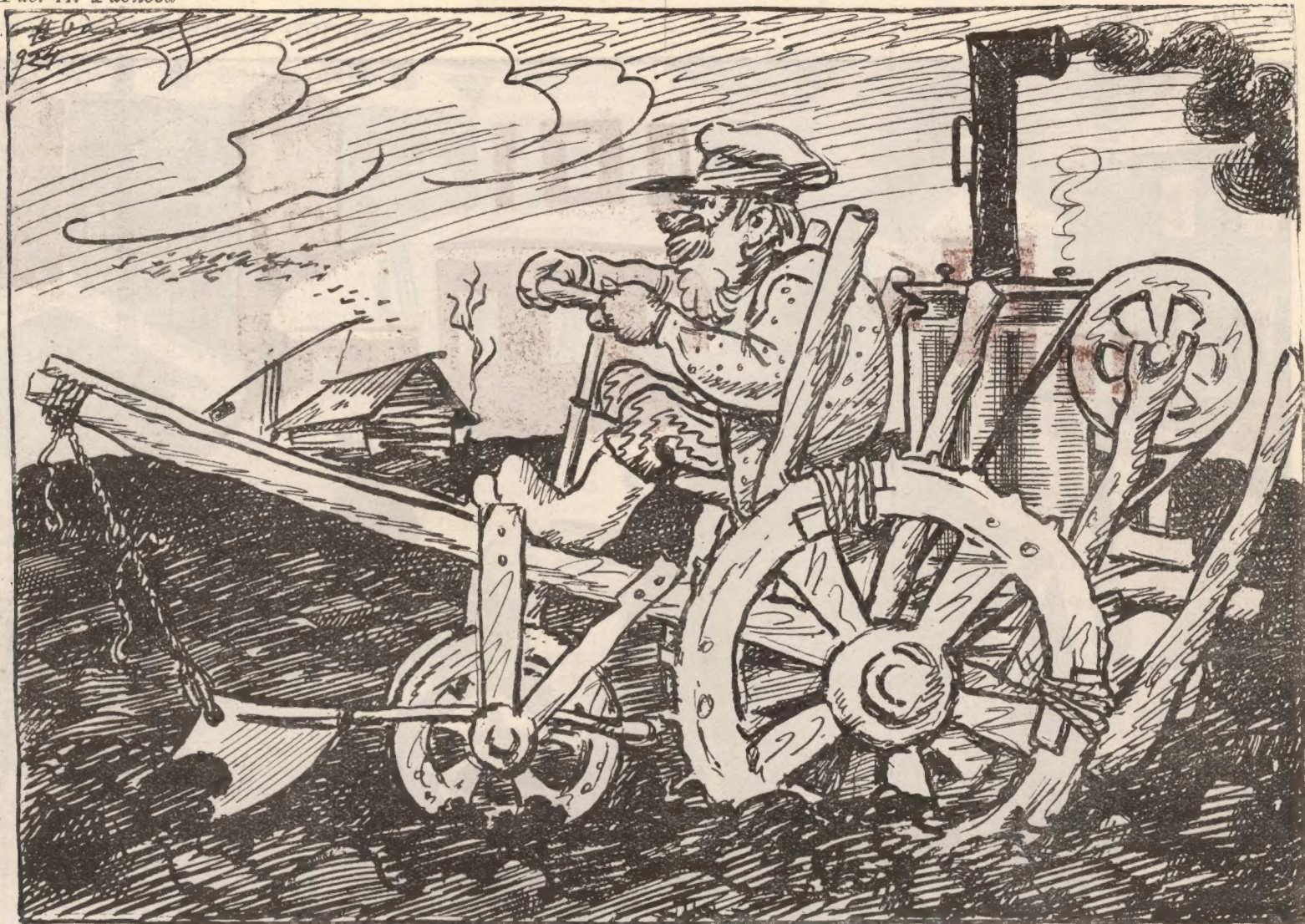

— Неужели, отец, и про это сказано?

— Как же, сударыня! В Апокалипсисе. „И услыша множество воев и рыков...“ Так прямо и написано: и Рыков! Свыше, сударыня, предуказано и заклемено!

ДЕРЕВНЯ НА САМОСНАБЖЕНИИ

Рис. Н. Радлова

Проект трактора „пока что“.

СМЫЧКА

Секретарь строго-деловито посмотрел на Светлова:
 — Вот взм путевка. Главное, конечно, смычка, затем активный баланс, торговая интервенция и вообще сельское хозяйство, конечно.
 Ответработник Светлов развел руками:
 Но ведь я не-агроном. К тому же...
 — Товарищ! По жа-луйста не разводите дискуссий. Ясно—в деревню для смычки. Захватите еще подарки...
 Через два дня, слезая на 23 разъезде — его район — Светлов опять подумал:
 — Хотя бы через двухнедельные с-х. курсы пропустили, что ли..
 Начразъезда встретил его, как родного:
 — Знаю. Знаю. И телеграмму вашу исполком получил. Только рано что-то — ведь там сказано 20...
 — Ну, да. Сегодня как раз 20...
 — Э-э... Это, батюшка, по-новому, а по нашему еще седьмое. Ну да вас до Черноярья подвезут. У меня как-раз мужичек отсюда есть... Пахом! А, Пахом!..
 Пахом согласился охотно:
 — Мне с живым человеком сподручнее. Нападут, ежели опять...
 — Что у вас еще бандиты остались?..
 — Нее... Волки... Пороху то нет, — так они почитай на живых людей кидаются..
 Поехали.
 Пахом был разговорчивым. Он то и дело оборачивался к Светлову:
 — Из заводских, стало быть, ты... У нас здесь тоже все заводы бы и..
 — Заводы?.. Это хорошо... — сказал Светлов и подумал:
 — С заводскими-то и столкнуться легче..
 — Како хорошо... — махнул кнутовищем Пахом. — Милиция дыхнуть не дает... Чисто раззорение пошло крестьянству...
 — Что она насильничает?..
 — Еще как... Намеднись, сколь этих заводов закрыла... Да еще трубы ломает..
 — Трубы... Какие трубы?..
 — Обнаковенные: самогонные..
 В Исполкоме Светлов наказал:
 — К вечеру, товарищи, заготовьте списки, кто, и смотря на малое количество полей или, например, лугов, хорошо ходит за скотиной... Пример, словом, подает..
 Предволисполкома, не поняв, переспросил:
 — У которых, значит, без наделов вовсе или с малыми наделами?..
 — Вот. Вот..
 Вечером Черноярцы, прослышав о смычке, валом пришли в Исполком. Светлов, поджидая когда придут из соседнего села музыканты: два гармониста и балалаечник, пока что беседовал с крестьянами.

— Земля теперь вовсе плохо рождает...—жаловались они.
 — Что такое?..
 — Пару мало..
 — Пару?...—подумал Светлов.—Откуда они его добывают? Машины паровые, что ли?
 И переспр. сил:
 — Откуда же вы его добываете?.. Пар-то?..
 — Пар-то?...—мужики добродушно рассмеялись, а один сказал мальчугану:
 — Ванятка, покажи-ка откеда мы пар добываем..
 Пришла музыка. Торжество началось
 Светлов сказал речь:
 — Вот, товарищи, город прислал вам подарки. Кто, напр., несмотря на малый надел, хорошо ходит за скотиною — тот достоин награды. Предволисполкома подал список и шепнул:
 — Первые два, которые вовсе без наделов. А скотина у них первеющая..
 Музыка заиграла. Светлов громко зачитал:
 — Ефим Разуваев!
 К столу подошел толстый, красный мужик. Светлов посмотрел на него:
 — Из бедняков?..
 Мужик осклабился:
 — Ничего, слава богу, лавочкой занимаюсь..
 Предволисполкома, нова сказал:
 — Без надела совсем они..
 Светлов махнул сердито рукой и прочел дальше:
 — Отец... Отец... Николай..
 К столу подошел, оглаживая бороду, поп:
 — И скотина у меня хорошая... И без надела я вовсе... — заспешил он.
 Светлов зашикал на музыку, объявил, что он сам разберется еще в списках и раздачу произведет завтра. Он рассказал мужикам об активном балансе, торговой интервенции, а в заключение вынул последний номер „Правды“ и прочел его собравшимся.
 Читая одну заметку, он было смеялся, а потом—наоборот—возвысив голос, дочел ее. Там было написано:
 А деревенские коммунисты (в большой мере пришельцы из городов) несравненно меньше осведомлены в крестьянских хозяйственных делах, чем городские коммунисты в фабрично-заводских вопросах.

В. Тоболяков

ПОСЛЕ ПРИЗНАНИЯ

Сначала Лондон, следом Рим,
 А там — Стокгольм и Вена...
 Вонят Романовы: — горим!
 А Бурцевы: — измена!
 Но им пристало это петь:
 У них „мозги в железе“...
 А вот охота посмотреть
 Пуанкаре — в разрезе.
 От острых приступов тоски
 И злых протестов гула
 Ему, должно-быть, все кишки
 Внутри перевернуло! А. А. А

ЦИКЛОПЫ?

В „Рабочей Газете“ (№ 19) Я. О. пишет:
„Голос Калинин сорвался. И он тихо прошептал:
— Прошу встать!
Этот шопот ударил громче грома. В зале—
словно обрушилось что-то. Это всколыхило
на ноги *полторы тысячи человек*—сгусток
всей трудовой России.
Полторы тысячи глаз напряженно спро-
сили:
— Что? что случилось?“

На каждую персону — по одному глазу.
Маловато! Объясните, Я О., что это за хоз-
расчет?

ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ.

В гор. Кушеве

нередным спесов сгноили до 500 пудов
рыбы, которую и пришлось свалить в одну
из свободных шахт Благодатского рудника
(„Правда“, 24).

— Рыба, она известно, ищет где глубже...

СЛОЖНАЯ АРИФМЕТИКА

Из „Огонька“:

...Надписи на венках сделаны на 51 языке
народов всего мира: киргизском, бухарском,
уйгурском, таджикском, бурятском, узбекском,
кабардинском, грузинском, якутском, азербей-
джанском, украинском, каракиргизском, армян-
ском, татарском, осетинском, зырянском, пингу-
ском, калмыцком, чеченском, дагестанском,
древне-еврейском, монгольском, эсперанто, тад-
жиг-ом, туркменском, малайском, батавском,
урдусском, индийском, русском, немецком,
французском, английском, чешском, польском,
голландском, турецком, итальянском, латыш-
ском, румынском, эстонском, греческом, санс-
критском, корейском, бенгальском, арабском,
египетском, китайском и японском.

Перечислено—49 языков, вместо 51 языка
народов всего мира.

$$51 - 49 = 2.$$

Ответ: 2 языка „Огонек“ слизнул. Один
из двух—та смесь французского с нижегород-
ским, на котором „Огонек“ пишет. Другой,
на котором он думает, мы из уважения к нему
и называем.

ТО ЖЕ, ДА НЕ ТО

— Отчего часы-то так дороги? Накладное
золото, что ли?
— Никак нет. Накладные расходы.

САПОЖНЫЙ УГОЛОК

Рабкор из Ново-Белицы сообщает „Полес-
ской Правде“:

„Умилиция заняла часть помещения под
„Красный Уголок“.
В уголке помещается шкаф и стол, никакой
работы в уголке не проводится. Правда, стол
используется один из милционеров всегда
спит на нем. И по утрам чистят сапоги. Мне
кажется, что пора уже перестать там чистить
сапоги“.

Зачем же, помилуйте, переставать чистить
сапоги?

Ведь тогда в уголке ничего такого не оста-
нется, о чем культотдел мог бы сказать, положи-
но на стол:

— Содержится в блестящем виде!

КИНОЯЗЫЧНЫЕ

Не угодно-ли, объявлениице кино „Художе-
ственный“ (в иркутской „Власти Труда“):

„Последний день!!“

Воспроизведение знаменитой повести гениаль-
ного Пушкина

О ДАЙ МНЕ ЗАБВЕНЬЕ, РОДНАЯ!

По тому же киноумию, „Война и Мир“
должна рекламироваться так:

„Величайшее произведение мирового гения

Льва Толстого

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ!“

ОБ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ.

Вот она, эта рецензия (№ 2 „Газеты Кроко-
дила“):

„Оценку просит дать „Газета Крокодила“,
Как правится она
Всем членам Це-Ка-Ка.
Ну что-ж... Мы скажем ей: „Во время
завоювала“

В сатиры колокол!
Язык хотя и зол,
Но цель оправдывает средства“...

Заканчивает рецензент не менее звучно:

„Вот мы хотели бы, „Газета Крокодила“
Чтоб острый шуткой
И смеха плеткой
Рабочью руку ты руководила“.

А подпись такая:

Секретарь ЦКК. Н. Ямсон

Автору стихотворения особенно удалась
подпись.

К СЕЗОНУ

Рис. Ив. Малютина

Наш лес завоевывает заграничный рынок

— Ого! Наш лес идет заграницей...

— Это какой? По Мейерхольду?

— Нет, по Красину.

— Кто там?
— Монтер. Надо у вас свет выключить за
неплатеж. Вот бумажка.
— Товарищ, помилуйте, у нас гости собра-
лись, жена именинница!..
— На керосине отпразднуете.
— Во всем доме ни одной керосиновой лампы!
— Примус зажгите.
— Послушайте, нельзя-же так!.. Придите
завтра утром
— Не имею права, гражданин. Где у вас
счетчик?
— Ну, хоть после двенадцати выключайте,
когда гости разойдутся.
— Не могу. Именины справляете, и за свет
не плачено.
— Товарищ мантер! Виноват, ваше имя отече-
ство?
— Лука Фомич.
— Лука Фомич, не откажите откушать с нами,
будьте гостем!
— Неудобно мне..
— Ну, что там, господин!.. Пиво будет и еще
кой-что, хе-хе!.. Позвольте, я с вас пальто сниму.
Сумочку вашу с инструментами разрешите
взять, вот мы ее сюда повесим. Пожалуйста в сто-
ловую! Господа, позвольте предоставить. Лука
Фомич, инженер. Прошу к столу! Что прика-
жете, Лука Фомич, коньячку или спиртику?
— И того, и другого.
— Хе-хе!.. Господа, позвольте предложить
тост за виновника нашего торжества!
— Виновницу?
— Нет-с, именно виновника. Что такое им-
енинница? Ерунда, нуль, хотя она и моя жена.
Лука Фомич—свет, именинница—тьма. Уррр-а-а!..
Кушайте, Лука Фомич, прошу. Разрешите вам
сидяка положить. А именинницу мы попросим
изобразить что-нибудь вокально-музыкальное.
Нюра, спой для дорогого гостя:
Не уходи, побудь со мною...
— Хорошо, Лука Фомич?... Не уходи, хе-хе!..
Еще рюмашечку. Старайся, Нюра, старайся, он
строгий критик. Как вы находите?
— Пустяки, дрянь... И голосишка писклявый,
не люблю. Давайте лучше..
— Нюра, перестань, Луке Фомичу не нра-
вится. Он хочет что-то предложить.
— Граждане, давайте споем хором.
— Давайте, давайте!.. „Смело, товарищи“..
— Я не играю это.
— Гражданка, стыдно не знать революцион-
ных песен!
— В самом деле, Нюра, ты заставляешь меня
краснеть за тебя. Я начинаю подумывать о раз-
воде.
— Начинаем, граждане. Дружно, всем вместе.
— Стоп! Вы, барышня, почему не поете?
— У меня голоса нет.
— Ага... Когда этот спец жал вам под сто-
лом ногу, вы колоратурили такой меццо сопран-
ной, что меня зависть брала, а сейчас голоса
нет?.. Граждане! В нашем пролетарском обще-
стве не должно быть паразитов, а потому вношу
предложение: пусть безголосная барыня поста-
вит для гостей самовар.
— Браво, браво!.. Прошу проголосовать!
— Кто за, поднимите руки!.. Единогласно!
— Вера Михайловна, прошу на кухню!..
Угли в чулане, растопки под плитой, самовар-
ная труба у соседки.
— Граждане, еще раз сначала!..
Смело товарищи в ногу...
— Что-же вы, Лука Фомич?
— Так-с... Ни слов, ни мотива — никто ни
в зуб ногой!.. Так-с... Где у вас счетчик?
— Лука Фомич, ради бога, куда вы?.. Попро-
буйте еще раз!.. Господа, поддержите, ведь вы-
пивка вся на столе. Лука Фомич!..
— Ну ладно, попробую в последний раз...
Раз, два, три!
Смело товарищи в ногу...
— Пошло, граждане!.. Басы, нажимай!..
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.
— Хорошо, граждане! Подхватывай дружей
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.
— Очень хорошо! Вот это я понимаю! Спа-
сибо, граждане! А нашей имениннице особо по-
звольте ручку пожать. Аккомпанимент — что
надо!.. В случае разведетесь — первый женюсь.
— Ай-да Лука Фомич!
— Граждане, споем еще разочек!.. А потом
другую затянем.
— Давайте, давайте!
Свег горел до утра. Гости расходились под
звуки Интернационала.
К. Мазовский

НЕФТЬ... НЕФТЬ...

Рис. В. Козлинского

Одно можно сказать: американскому правительству и американскому капитализму невыгодно разоблачать друг друга. Никакого грома в Америке не грянет... (Из статьи)

Никакого грома в Америке не грянет.
Правосудие янки, как нефтяной фонтан:
Побьет и перестанет, побьет и перестанет...
— И спине-мол больно, и цел кафтан!

Но поползут слухи — от отца до сына —
Из поколения в поколение усилия тон —
О том, что въедливым запахом керосина
На вечные веки провонял Вашингтон.

Зашуршат ехидные листовки и книжки.
Зазвонят куплеты на мотив гоп-са-сы.
И встречая президента, уличные мальчишки
Будут демонстративно затыкать носы.

И мистрисс-президентша на своих приемах
„Всех граждан Америки“ (от 3 до 6-ти)
Будет напрасно в изысканных хоромаш
Опрыскивать мебель Лориганом Коти.

Никакого грома в Америке не грянет...
И хорошо. И не надо. К чему нам гром?
Довольно, что население смешивать станет
Керосиновую лавку и белый дом.

А за запахом придут маслянистые пятна,
Увеличивая горючесть в сто тысяч крат...
И достаточно чиркнуть спичкой неаккуратно,
Чтобы вспыхнул пропахший керосином сенат!

А. д'Актьль